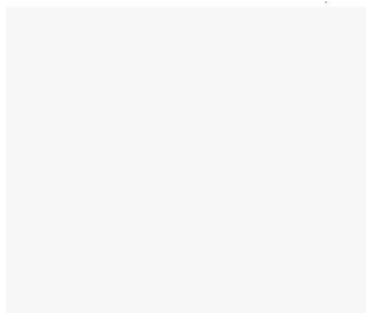

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ
25

ЧАСТЬ
II

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1962

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

К. МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ТРЕТИЙ

КНИГА III: ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

Часть вторая (главы XXIX—LII)

ИЗДАН ПОД РЕДАКЦИЕЙ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ (продолжение)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА

Теперь мы должны рассмотреть подробнее, из чего состоит банковский капитал.

Мы только что видели, что Фуллартон и другие превращают различие между деньгами как средством обращения и деньгами как средством платежа (а также мировыми деньгами, поскольку принимается в расчет отлив золота) в различие между средством обращения (*сиггенсу*) и капиталом.

Своеобразная роль, которую здесь играет капитал, приводит к тому, что с такой же старательностью, с какой «просвещенная» политическая экономия пыталась внушить, что деньги не капитал, — с такой же старательностью эта банкирская политическая экономия внушает, что деньги в действительности представляют собой капитал *par excellence* *.

В дальнейшем исследовании мы покажем, что денежный капитал здесь смешивается с *moneyed capital* ** в смысле капитала, приносящего проценты, тогда как в первом смысле денежный капитал означает всегда лишь переходную форму капитала, рассматриваемую в отличие от других форм капитала: от товарного капитала и производительного капитала.

Банковский капитал состоит: 1) из наличных денег, золота или банкнот; 2) из ценных бумаг. Эти последние мы можем снова разделить на две части: торговые бумаги, то есть текущие векселя, для которых время от времени истекает срок и в учете которых состоит собственно деятельность банкира;

* — по преимуществу. *Ред.*

** — денежным капиталом. *Ред.*

и публичные ценные бумаги, как, например, государственные облигации, казначейские свидетельства, всякого рода акции, — короче, бумаги, приносящие проценты, но существенно отличающиеся от векселей. Сюда могут быть причислены также ипотеки. Капитал, состоящий из этих вещественных составных частей, разделяется опять-таки на капитал, вложенный самим банкиром, и депозиты, составляющие его *banking capital*, или заемный капитал. В банках с банкнотной эмиссией сюда относятся также и банкноты. Депозиты и банкноты мы пока оставим в стороне. Ясно во всяком случае, что действительные составные части банковского капитала — деньги, векселя, процентные бумаги — несколько не изменяются от того, представляют ли эти различные элементы собственный капитал банкира или же депозиты, то есть капитал других людей. Разделение капитала на части остается неизменным, независимо от того, ведет ли банкир свое дело только при помощи собственного капитала или же только при помощи капитала, депонированного у него.

Форма капитала, приносящего проценты, приводит к тому, что каждый определенный и регулярный денежный доход представляется процентом на капитал независимо от того, возникает ли этот доход из капитала или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, раз есть процент, найдется уж и капитал, из которого денежный доход возникает. Равным образом, когда есть капитал, приносящий проценты, всякая сумма стоимости представляется капиталом, раз она не расходуется как доход, — представляется именно основной суммой (*principal*), в противоположность возможному или действительному проценту, который она может приносить.

Суть дела проста: пусть средняя процентная ставка 5% в год. Следовательно, сумма в 500 ф. ст., превращенная в капитал, приносящий проценты, давала бы ежегодно 25 фунтов стерлингов. Каждый фиксированный ежегодный доход в 25 ф. ст. рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 фунтов стерлингов. Однако это — чисто иллюзорное представление, за исключением того случая, когда источник дохода в 25 ф. ст. — есть ли он простой титул собственности, или долговое требование, или же действительный элемент производства, как, например, земельный участок, — может быть непосредственно передан или же приобретает форму, в которой он способен к передаче. Возьмем для примера государственный долг и заработную плату.

Государство должно ежегодно выплачивать своим кредиторами определенный процент за капитал, который оно получает

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, zweiter Theil.

Buch III:

Der Gesamtprocess der kapitalistischen Produktion.

Kapitel XXIX bis LII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.

1894.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
II ЧАСТИ III ТОМА «КАПИТАЛА»

взаимы. Здесь кредитор не может требовать от должника погашения долга, он может только продать свое долговое требование, свой титул собственности. Самый капитал потреблен, израсходован государством. Он больше не существует. Что касается кредитора государства, то он: 1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 фунтов стерлингов; 2) получает в силу этого обязательства право на известную часть годовых доходов государства, то есть на известную часть годовых налогов в размере, скажем, 5 ф. ст. или 5%; 3) может продать это долговое обязательство на 100 ф. ст. всякому другому лицу. Если процентная ставка 5% и если платежеспособность государства не вызывает сомнений, то владелец *A* может, вообще говоря, продать долговое обязательство *B* за 100 ф. ст., потому что для *B* совершенно безразлично, ссужает ли он 100 ф. ст. из 5% годовых или же путем уплаты 100 ф. ст. обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 фунтов стерлингов. Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются платежи государства, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того, чтобы ее затратить, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самосохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора *A* причитающаяся ему доля ежегодных налогов представляет собой процент на его капитал, — так же, как для ростовщика процентом на капитал представляется причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная займа, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для *A* возможность вернуть основную сумму. Что касается *B*, то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же дела *B* только стал на место *A* и купил принадлежащее последнему долговое требование к государству. Как бы ни умножались сделки этого рода, капитал государственного долга остается чисто фиктивным, и с того момента, как долговые свидетельства перестали бы находить себе покупателей, исчезла бы даже видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением.

Теперь в противоположность капиталу государственного долга, где в качестве капитала выступает отрицательная величина, — так как вообще капитал, приносящий проценты,

порождает всякие извращенные формы, то и долги в представлении банкира могут казаться товарами, — мы рассмотрим рабочую силу. Заработная плата принимается здесь как процент, а следовательно, рабочая сила — как капитал, приносящий эти проценты. Если, например, годовая заработная плата = 50 ф. ст., а ставка процента — 5%, то рабочая сила, функционирующая в течение года, считается равной капиталу в 1 000 фунтов стерлингов. Нелепость капиталистического способа представления достигает здесь своего апогея; вместо того чтобы объяснять эксплуатацией рабочей силы увеличение стоимости капитала, наоборот, производительность рабочей силы объясняется тем, что сама рабочая сила является этой таинственной вещью, капиталом, приносящим проценты. Во второй половине XVII века (например, у Петти) это было излюбленным представлением, но и в наши дни оно со всей серьезностью используется отчасти вульгарными экономистами, отчасти же и главным образом немецкими статистиками¹⁾. К сожалению, имеются два обстоятельства, неприятным образом опрокидывающих это безмозглое представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получать эти проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому. Более того, годовая стоимость его рабочей силы равна его средней годовой заработной плате, и своим трудом он должен возместить для покупателя его рабочей силы именно эту стоимость плюс прибавочную стоимость, то есть ее прирост. При системе рабства работник имеет капитальную стоимость, именно покупную цену. И если его отдают внаем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и, кроме того, возмещать ежегодный износ капитала.

Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, причем его исчисляют по средней процентной ставке как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента; если, например, годовой доход = 100 ф. ст. и ставка процента = 5%, то 100 ф. ст. составляли бы годовой процент на 2 000 ф. ст., и эти 2 000 ф. ст. будут считаться теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности

¹⁾ «Рабочий имеет капитальную стоимость, величина которой определится, если мы будем рассматривать денежную стоимость его ежегодного заработка как процентный доход... Если... капитализировать из 4% средний дневной заработок, то получится средняя стоимость одного сельскохозяйственного рабочего мужского пола: для немецкой Австрии — 1 500 талеров, для Пруссии — 1 500, для Англии — 3 750, для Франции — 2 000, для Центральной России — 750 талеров» (Von Reden. «Vergleichende Kultur-Statistik etc.». Berlin, 1848, S. 434).

на ежегодный доход в 100 фунтов стерлингов. Для того, кто купил этот титул собственности, 100 ф. ст. годового дохода действительно представляют процент на его капитал, вложенный из 5%. Таким образом всякая связь с действительным процессом возрастания капитала исчезает бесследно, и представление о капитале как о стоимости, самовозрастающей автоматически, окончательно упрочивается.

Даже там, где долговое свидетельство — ценная бумага — не представляет чисто иллюзорный капитал, как в случае с государственными долгами, капитальная стоимость этой бумаги чисто иллюзорная. Мы видели выше *, каким образом кредит создает акционерный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими этот капитал. Акции железнодорожных, горных, паровых и других обществ являются представителями действительного капитала, именно капитала, вложенного и функционирующего в этих предприятиях, или денежной суммы, авансированной участниками с целью израсходовать ее в этих предприятиях как капитал. При этом отнюдь не исключено, что акции могут представлять также и чистое мошенничество. Однако данный капитал не существует вдвойне, — один раз как капитальная стоимость титула собственности, акций, и другой раз как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, *pro rata* **, на реализуемую им прибавочную стоимость. *A* может продать титул *B*. *B* может продать его *C*. Такие сделки ничего не меняют в существе дела. *A* или *B* превращает в таком случае свой титул в капитал, а *C* свой капитал — в простой титул собственности на прибавочную стоимость, ожидаемую от акционерного капитала.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности — не только государственных ценных бумаг, но и акций — поддерживает иллюзию, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. А именно, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала (хотя и связанное с увеличением этой стоимости). С одной стороны, рыночная стоимость их колеблется вместе с высотой и обеспеченностью доходов, на которые они дают право.

* См. настоящий том, часть I, стр. 479—480. *Ред.*

** — пропорционально. *Ред.*

Если номинальная стоимость акции, то есть действительно затраченная сумма, которую она первоначально представляла, есть 100 ф. ст. и если предприятие вместо 5% приносит 10%, то рыночная стоимость акции при прочих равных условиях и при процентной ставке в 5% поднимается до 200 ф. ст., потому что, капитализированная из 5%, она представляет теперь фиктивный капитал в 200 фунтов стерлингов. Тот, кто покупает ее за 200 ф. ст., получает 5% дохода с этой затраты капитала. Обратное имеет место, если доход предприятия уменьшается. Рыночная стоимость этих бумаг отчасти спекулятивна, так как она определяется не только действительным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным. Но при том условии, если увеличение стоимости действительного капитала является постоянным, или же, где, как в случае государственного долга, никакого капитала не существует, если ежегодный доход фиксирован законом и вообще достаточно обеспечен, цена этих ценных бумаг будет подниматься и падать в направлении, обратном движению ставки процента. Если процентная ставка повышается с 5% до 10%, то ценная бумага, обеспечивающая доход в 5 ф. ст., будет представлять капитал только в 50 фунтов стерлингов. Если же процентная ставка понижается до $2\frac{1}{2}\%$, — та же самая ценная бумага представляет капитал в 200 фунтов стерлингов. Ее стоимость есть всегда лишь капитализированный доход, то есть доход, исчисленный на иллюзорный капитал в соответствии с существующей процентной ставкой. Таким образом, во время затруднений на денежном рынке эти ценные бумаги падают в цене в силу двоякого рода причин: во-первых, потому что повышается процентная ставка, и, во-вторых, потому что их массами выбрасывают на рынок с целью реализовать в деньгах. Это падение цен имеет место и в том случае, когда доход, обеспечиваемый этими бумагами их владельцу, остается постоянным, как у держателей государственных ценных бумаг, и в том случае, когда возрастание действительного капитала, представляемого ценными бумагами, будет затронуто нарушениями процесса воспроизводства, — как это бывает с промышленными предприятиями. В последнем случае к вышеупомянутому обесценению присоединяется только еще новое. После того как буря миновала, курс ценных бумаг снова достигает своего прежнего уровня, если они не представляют предприятий, потерпевших крах или дутых. Их обесценение во время кризиса действует как мощное средство централизации денежного имущества ²⁾.

²⁾ {Непосредственно после февральской революции, когда в Париже товары и ценные бумаги были в высшей степени обесценены и совершенно не находили покупа-

Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг не зависит от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, каким оно было до него.

«К 23 октября 1847 г. государственные фондовые бумаги и акции каналов и железных дорог обесценились уже на 114 752 225 ф. ст.» (Моррис, управляющий Английским банком, показание в отчете «Commercial Distress» 1847—1848 [№ 3800]).

Поскольку их обесценение не выражало действительного застоя производства и перевозок по железным дорогам и каналам, или прекращения уже работающих предприятий, или бесполезной затраты капитала на предприятия, действительно ничего не стоящие, нация не стала беднее ни на грош от того, что лопнули эти мыльные пузыри номинального денежного капитала.

В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, денежная или капитальная стоимость которых либо вовсе не представляет никакого капитала, как в случае государственных долгов, либо регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют.

Во всех странах капиталистического производства в этой форме существует огромная масса так называемого приносящего проценты капитала, или *moneyed capital*. И под накоплением денежного капитала большей частью подразумевается только накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний.

И вот часть банкирского капитала вложена в эти так называемые процентные бумаги. Это — собственно часть резервного капитала, который не функционирует в собственно банковском деле. Наиболее значительная часть этих бумаг состоит из векселей, то есть платежных обязательств промышленных капиталистов или купцов. Для денежного кредитора векселя эти являются процентными бумагами, то есть, покупая эти бумаги, он вычитает проценты за время, остающееся до срока

телей, один швейцарский купец в Ливерпуле, г-н Р. Цвильхенбарт (рассказавший этот случай моему отцу), обратив в деньги все, что можно было, отправился с этой наличностью в Париж и сделал Ротшильду предложение совместно предпринять аферу. Ротшильд пристально посмотрел на него, а затем, приблизившись к нему, положил руки на плечи и спросил: «Avez vous de l'argent sur vous?» — «Oui, M. le baron!» — «Alors vous êtes mon homme!» [«А у вас есть деньги?» — «Да, г-н барон!» — «Ну, тогда вы тот, кто мне нужен!»]. — И оба они сделали блестящую аферу. — Ф. Э.]

платежа. Это и есть то, что называют учетом. Таким образом, величина вычета из суммы, представляемой векселем, зависит от высоты процентной ставки в данное время.

Наконец, последняя часть капитала банкира состоит из его денежного резерва в золоте или банкнотах. Вклады, если только договором не обусловлен более или менее длительный срок, во всякий момент могут быть истребованы вкладчиком. Они находятся в состоянии постоянных приливов и отливов. Но на смену извлеченных вкладов поступают новые, так что в период нормального хода дел их средняя величина мало изменяется.

В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда выражают в среднем количество денег, существующих в качестве сокровища, причем часть этого последнего опять-таки состоит из бумаг, из простых свидетельств на получение золота, которые, однако, не имеют никакой собственной стоимости. Поэтому большая часть банкирского капитала совершенно фиктивна и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (свидетельств на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в сейфах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть свидетельства на обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулом собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который упомянутые бумаги, по крайней мере отчасти, представляют; если же они представляют не капитал, а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что этот фиктивный капитал банкира представляет большей частью не собственный его капитал, а капитал публики, которая вкладывает его в банк под проценты или без них.

Вклады производятся всегда деньгами, золотом или банкнотами, или свидетельствами на их получение. За исключением резервного фонда, который в зависимости от потребностей действительного обращения то сокращается, то расширяется, вклады эти на деле всегда находятся в руках, с одной стороны, промышленных капиталистов и купцов, которые за счет вкладов учитывают свои векселя и получают ссуду; с другой стороны, в руках торговцев ценными бумагами (биржевых маклеров) или в руках частных лиц, продавших свои ценные бумаги,

или в руках правительства (в случаях со свидетельствами казначейства и новыми займами). Самые вклады играют двоякую роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчикам. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списываются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний осуществляет взаимное выравнивание счетов, или же это выполняется различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу.

С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование появляется под различными формами в различных руках³⁾. Большая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна. Все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. Поскольку они служат для жирооборота, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом свидетельствами на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования.

³⁾ {Это удвоение и утроение капитала за последние годы развилось значительно шире благодаря, например, финансовым трестам, занимающим уже в лондонских биржевых отчетах особую рубрику. Образуется общество для приобретения известного рода процентных бумаг, скажем, иностранных государственных ценных бумаг, английских городских или американских государственных облигаций, железнодорожных акций и т. д. Капитал, скажем в 2 млн. ф. ст., собирается путем подписки на акции; дирекция приобретает соответственные ценности или же более или менее энергично спекулирует на них и распределяет годовые проценты за вычетом издержек между акционерами в качестве дивиденда. Далее, у некоторых акционерных обществ вошло в обыкновение разделять обыкновенные акции на два класса: *preferred* и *deferred* (привилегированные и второочередные). Акции *preferred* приносят фиксированный процент, скажем 5%, конечно, при том условии, что это допускает общая прибыль предприятия; если сверх того остается некоторый избыток, он распределяется по акциям *deferred*. Таким путем «солидные» вложения капитала в *preferred* более или менее изолируются от спекуляции в собственном смысле слова, оперирующей с *deferred*. Но так как отдельные крупные предприятия не желают подчиняться этой новой моде, то начали образовываться общества, которые, вложив один или несколько миллионов фунтов стерлингов в акции этих предприятий, выпускают затем на номинальную стоимость этих акций новые акции, но уже наполовину *preferred*, наполовину *deferred*. В таких случаях первоначально выпущенные акции удваиваются, так как они служат основанием для нового выпуска акций. — Ф. Э.]